

ДЕНЬ НЕМАТЕРИ

Как пережить потерю детей,
простить себя и жить дальше...

ЕВГЕНИЯ БЫЛИНА

Евгения Былина

**День нематери. Как пережить
потерю детей, простить
себя и жить дальше**

«Издательские решения»

Былина Е.

День нематери. Как пережить потерю детей, простить себя и жить дальше / Е. Былина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-593670-7

Пятнадцать лет назад на приеме у гинеколога я впервые услышала: «С зачатием могут быть проблемы». Спустя десять лет забеременела двойней, а через двадцать две недели потеряла детей. Я расскажу, как строила новый фундамент на месте разрушенных планов и мечтаний, потому что знаю: чужие истории лечат и помогают преодолевать отчаяние. Привет, человек, читающий эту книгу. Я знаю, что тебе больно.

ISBN 978-5-00-593670-7

© Былина Е.

© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Начало	7
Часть первая.	8
04.07.2016	8
05.07.2016	10
06.07.2016	12
07.07.2016	14
История Лизы	16
12.07.2016	18
15.07.2016	20
18.07.2016	21
01.08.2016	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

День нематери Как пережить потерю детей, простить себя и жить дальше

Евгения Былина

Жене. Без тебя я бы не справилась.

Моим детям. Навсегда в моем сердце.

© Евгения Былина, 2022

ISBN 978-5-0059-3670-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Пятнадцать лет назад на приеме у гинеколога я впервые услышала: «С зачатием могут быть проблемы». Спустя десять лет, после трех стимулирующих овуляцию курсов, забеременела двойней, а через двадцать две недели потеряла детей. Следующий год я провела в проживании горя и вышла из этого сражения победителем.

Тогда подобная формулировка показалась бы мне кошунственной: кому нужна победа, если детей больше нет? Как вообще жить, если случилось такое? Как улыбаться, работать, заниматься делами, строить отношения и планы, когда внутри тебя дыра?

Я не психотерапевт, скорее пациент, но точно могу стать добрым другом тем, кто проходит тот же путь, и поддержать их. Я расскажу свою историю. Расскажу, как строила новый фундамент на месте разрушенных планов и мечтаний, потому что знаю: чужие истории лечат и помогают преодолевать отчаяние.

Привет, человек, читающий эту книгу. Я знаю, что тебе больно.

Начало

Эта история началась не в послеродовой палате в результате преждевременных родов. Скорее – еще в юности, когда раздались первые звоночки проблем с, как его обычно называют, женским здоровьем. Опущу физиологические подробности – они не так важны (многочисленные истории моих подруг по бесплодию показывают, что каждый путь особенный, а значит, и стратегия лечения должна подбираться индивидуально). Скажу лишь, что я оказалась обречена на вечные походы к гинекологам. Бесконечная проверка анализов, смена врачей, которые неожиданно увольнялись, уходили в декреты, уезжали из города... В итоге каждый раз мне просто выписывали противозачаточные таблетки: «чтобы восстановить цикл», «чтобы организм работал как часы» и «лишним не будет». Спустя время стало ясно: те рекомендации делали только хуже, но речь пойдет и не об этом – благо сегодня можно найти специалистов, которые не залечивают несуществующие проблемы, а ищут причину того или иного сбоя организма.

Никто не любит советов, но я начала писать эту книгу хотя бы для того, чтобы кто-то другой минимизировал последствия неверного пути. Что бы я сама сделала иначе тогда, когда мне было пятнадцать? Скорее всего, ничего. В ранней юности кого вообще заботят какие-то неполадки собственного организма? Кажется, что достаточно сходить к доктору и тот точно тебе поможет. Вера во врачей, в истинность их слов и решений – розовые очки, которые разбиваются стеклами внутрь. Мир спасет любовь, а тебя – критическое мышление. Тем, кто болеет сейчас, чуть сложнее и одновременно проще: слишком много информации, и в то же время есть возможность минимально закрыть пробелы в знаниях. А тогда, в мои пятнадцать, мы с мамой просто слушали гинекологов и пичкали меня таблетками. Спустя время мама признает, что интуитивно сопротивлялась этим рекомендациям, но тоже не хотела спорить со специалистами.

Все было бы чуть проще, если бы поиск решения проблемы заканчивался в кабинете врача. Там, где медицина не дает быстрых ответов, находится место для мистицизма и веры в тонкие материи. За годы жизни с неустановленным диагнозом, а потом с бесплодием я много раз сворачивала на параллельные дороги. Они неоднозначны и сложны. Это жизнь, в которой маме дают очередной номер целителя, иглотерапевта или бабки. Взрослея, ты и сама начинаешь если не верить, то не отвергать возможность того, что это может помочь, нужно просто найти свое «чудо».

Так, например, в восемнадцать лет я попала в руки к врачу, который долго учился в Китае и привез оттуда знания о массаже камнем гуаша и иглотерапии. И чудо свершилось: у меня впервые в жизни установился цикл. Продолжалось это, правда, недолго. Вскоре тот целитель средних лет предложил мне «погулять», а я, испугавшись, что в следующий раз в меня воткнут не только иголки, больше не пошла к нему в кабинет. Через десять лет я повторила опыт иглотерапии. На этот раз обратилась к широко известному в узких кругах китайцу, который приезжал в наши края «на вахты». Этот мужчина не звал погулять и очень переживал, что его манипуляции никак не влияют на мое здоровье. Я прилежно отходила положенные десять процедур и получила в подарок еще пять, но эффекта не было. В день последнего сеанса я поняла: у меня больше нет моральных сил верить в то, чего не может объяснить современная наука, и твердо решила отныне болеть только за команду доказательной медицины. Никаких двойных игр. Никаких «может, съездить в отпуск и расслабить голову», «а моей подруге помогла женщина одна, хочешь дам номер», «может, тебе просто нужно отпустить ситуацию?».

История моей беременности началась в стенах гинекологического отделения городской больницы.

Часть первая.

22 недели

04.07.2016

Я кое-что знаю о боли. Помню ощущения, когда наружу рвется камень, ищет выход через мочеточник – от этого тебя сводит судорогой, да так, что любое шевеление вызывает еще большие страдания. Не забуду и те полгода коклюша, когда просыпалась каждый день в 5:45 утра от раздрающего кашля. Ни с чем не спутаю прострелы хондроза, когда холодно или много нервничаешь. Сегодня я испытываю новые ощущения: словно чья-то рука сжимает внутренности ниже пупка и хочется застыть в позе эмбриона. Терплю до последнего, надеюсь, что все пройдет. Рядом сидит испуганный муж. Когда понимаю, что от боли не спастись, прошу поскорее вызывать скорую. От волнения Женя называет диспетчеру мою девичью фамилию и путает номер квартиры.

Я уже год как замужем, и мы хотим ребенка. Долго думать – не наш конек, поэтому в первый же месяц после предложения руки и сердца я пошла к одному из лучших репродуктологов города в надежде на то, что она поможет мне стать матерью. Врач оказалась очень приятной и жизнерадостной, не стала пугать меня непонятными терминами, а просто сказала: я знаю, что мы будем делать. Впервые за десять лет доктор, выслушав мою историю, не развел руками. Обычно все походы по больницам заканчивались рецептом на противозачаточные таблетки, чтобы регулировать цикл и приводить в норму гормоны. В этот раз на момент приступа я уже провела три стимуляции овуляции, а через пару недель мне предстоит тест на беременность.

На завтрашний день у меня были совсем другие планы, а теперь я лежу в карете скорой помощи и объясняю фельдшеру, что приступ начался недавно, но я надеялась, что само пройдет. Я в принципе очень часто на это надеюсь, но это редко срабатывает. В больнице меня встречает дежурный врач и сонным голосом приглашает «изучить вопрос подробнее». Спрашивает о характере боли и о том, был ли половой акт. На последний вопрос я скромно отвечаю «да» и под укоризненным взглядом чувствую себя пятнадцатилетней профурсеткой, которая слишком хорошо провела время после школьной дискотеки. Сажусь рядом и подробно рассказываю ей о том, что лечусь от бесплодия, вот как раз сейчас завершился очередной этап. Через полчаса этот же врач сообщит результаты анализов: у меня ничего не получилось.

– У вас в полостях много чего-то. Предлагаю сделать пункцию, чтобы проверить, кровь это или жидкость.

Ее спокойный и ровный тон вселяет уверенность: доктор знает, о чем говорит. Я все же стараюсь сделать голос тверже и выдавливаю скромное предположение, что это реакция на лечение: в первый раз живот тоже болел, его раздуло, порой было тяжело дышать и пару недель было сложно ходить, но потом все прошло.

Врачи не любят, когда их учат, это факт. Моей новой знакомой это тоже не нравится.

– Евгения, – голос становится строже, в нем появляются нотки пренебрежения, – это очень серьезно. Вдруг там кровь? Кровотечение! Да вы же тогда упадете в обморок уже вот-вот.

В ту же секунду я проникаюсь ситуацией и делаю то, что умею лучше всего: начинаю плакать.

– Вы здесь одна? – продолжает врач, не обращая внимания на то, что я испугана и нахожусь на грани истерики. Видимо, на ее глазах кого-то постоянно заливает кровью изнутри.

– Да, – всхлипывая и вытирая слезы, отвечаю я.

– А где же партнер по половому акту? – на ее лице проступает странная улыбка, будто я не занималась сексом с мужем, а участвовала в оргии с командой футболистов.

Мне кажется, или не время ехидничать, истекая кровью?

– Едет сюда с вещами, – эти слова я произношу уже вполне уверенно. Хочется добавить к ответу что-нибудь искрометное и обидное, но в этом нет смысла – доктор уходит, цокая каблучками.

«Не подружмся», – мысленно подвожу я итог.

Я остаюсь в коридоре дожидаться команды, что можно шагнуть в отделение и проверять, чем там меня «заливает». В больницах мне всегда холодно, но не физически. Кажется, что я здесь никому не нужна, как непрощенный гость, который явился к столу, а обед не был на него рассчитан.

Пока жду свою новую «приятельницу», вспоминаю, как несколько лет назад меня привезли в похожий коридор больницы на другом конце города. Тогда я тоже не могла разогнуться – острая боль пронзала спину. Было больно стоять, лежать, сидеть. Смена позы давала облегчение лишь на пару мгновений. Мы с мамой не спали около двух часов, пока медики пытались понять, что со мной. Потом подошла врач и сказала, что нужно пройти к ней в кабинет.

– А это далеко?

– Прямо по коридору, а потом по лестнице на второй этаж.

– Я не смогу дойти, мне очень больно.

– Не надо мне тут! – раздраженно рявкнула женщина в белом халате. – Встала и пошла, помощников тут нет.

Я поплелась за ней по коридору, думая лишь о том, как бы не свалиться от болевого шока. В кабинете я небрежно стянула с себя штаны и бросила их на пол.

– Аккуратней! – скомандовала врач.

– Мне больно и все равно, как лежат МОИ вещи! – огрызнулась я и тут же заткнулась.

В ту ночь единственным, кто отнесся ко мне с сочувствием, был санитар. Он увидел, что я пытаюсь найти удобную позу на лавочке около кабинета, подкатил кресло-коляску, да так и возил по кабинетам, пока доктора пытались поставить диагноз. Под утро выяснилось, что у меня в почке есть камень и он решил расстаться с моим телом. Высокий молодой мужчина, который в дальнейшем стал моим лечащим врачом, узнав, что меня никто не обезболит, выругался и попросил медсестру поставить мне укол.

05.07.2016

– Подъем!

Еще нет и 7 утра, а медсестра уже сует мне градусник.

Вчерашние приключения в гинекологическом отделении закончились не сразу. Меня проводили на третий этаж, где предстояло все-таки выяснить, что случилось. Вы лечились когда-нибудь в клиниках, где проходят практику студенты? Если нет, нетрудно догадаться, как приятно, когда тебя осматривает семь девчонок. Они успевают улыбаться и спрашивать, не больно ли. Шутите? Конечно, больно! Я же человек, а не манекен, на котором вы учились ставить уколы.

Практикантки встретили меня в коридоре, проводили до палаты, чтобы я могла оставить сумку. Я видела, что некоторые из них только проснулись, а другие быстренько спрятали в карманы свои телефоны. Девушки тарасились на меня с интересом, одна расспрашивала о симптомах. Они делали вид, что им меня жаль, но каждой хотелось провести осмотр. Одна взяла мазок, а две другие студентки успели «потрогать-посмотреть», прежде чем рассудительность меня покинула: плевать, что медики должны на ком-то учиться! Почему на мне? Приведите нормального специалиста! Того, кто не будет ехидничать на тему моей половой жизни и с сомнением относиться к диагнозу «бесплодие».

Появился седовласый мужчина с приятными чертами лица, похожий на большой шкаф, внимательно выслушал мою предысторию, а потом резюмировал: если сделаем пункцию, можешь попрощаться с детородной системой. Результаты УЗИ говорят о гиперстимуляции: яичники огромны, а значит, их можно повредить. Меня как будто ледяной водой окатили: если бы он не пришел, курочки-студентки с радостью научились бы выполнять эту процедуру за счет моего здоровья. Плюс им к опыту, минус мне к материнству.

Потом я прокручивала в голове эту ситуацию не один раз. Как та женщина, врач с двадцатилетним опытом работы, не сумела расшифровать анализы и понять, что пункция может сделать меня бесплодной?

Но угадайте, кто стал моим лечащим врачом?

– Здравствуйте, Евгения. Мы уже знакомы, поэтому приступим к лечению, – улыбается она, входя в мою палату на следующее утро.

Эта новость меня не радует.

Доктор опрашивает меня еще раз. Сегодня она выглядит добродушнее. Может, понимает, что совершила ошибку, отправив меня на опасную процедуру? Впрочем, этого она не признает. И уходить не спешит. Она держит паузу, вглядываясь в мое лицо:

– Вчера мы взяли анализ на цитологию. Результаты плохие. У вас предрак.

Я смотрю на нее с неприкрытым равнодушием.

– Я делала этот анализ перед планированием беременности, все было нормально.

– Ой, ну эти ваши частные клиники... Мало ли как там ваш анализ взяли. Я не отрицаю, что возможна и наша ошибка, повторим через недельку, а пока проставьте себе вот эти свечи, – отвечает она, протягивая листочек с названием лекарства. Конечно, здесь мне препарат не дадут: на курорты бесплатной медицины стоит приезжать со своими свечами.

Предрак. Страшно звучит, не правда ли? Гораздо спокойнее воспринимать эту новость от человека, который по ошибке собрался сделать тебе пункцию. За годы хождения по докторам я выработала стойкий иммунитет к их словам: все нужно подвергать сомнению. Мне хочется сказать этой женщине о своем недоверии, попросить заведующего отделением о смене лечащего врача, выразить свое презрение. Да кто ты такая, чтобы вот так распоряжаться моей судьбой? Засунь свой предрак себе в одно место и топай отсюда!

Вместо этого я улыбаюсь и говорю, что обязательно поставлю свечи, но хотелось бы знать, сколько мне предстоит здесь лежать. Ругаю себя за то, что поступаю как тряпка, но тонкая грань между поведением истерички и человека, отстаивающего свое право получать лечение от адекватного доктора, сейчас от меня ускользает. Спрашиваю, как долго мне лежать.

– Ой, дорогуша, так сразу и не скажешь, – отвечает она.

Конечно, не скажешь. Ты даже не знаешь, что со мной.

Мама присылает «ок» на просьбу о свечах. Я набираю СМС своему репродуктологу, которая проводила стимуляцию. Через пару часов читаю ответ: «Все будет в порядке, это просто реакция на лечение». Она просит держать ее в курсе. Но что это изменит? Впрочем, как только я называю ее фамилию, на меня начинают смотреть иначе. Через три недели я выйду из стен этой больницы и запишусь на прием к своему врачу. Каким же будет мое удивление, когда я пойму, что местный доктор «вам-нужна-пункция» подрабатывает в той же частной клинике!

06.07.2016

Просыпаюсь от назойливого солнечного света. Засыпала долго, думая о том, что меня ждет, как скоро отпустят. В шесть утра медсестра разбудила требованием измерить температуру, потом я провалилась обратно в сон, и только навязчивое июльское солнце смогло разбудить меня бесповоротно.

Ради утренних процедур нужно прошагать до конца длинного коридора – в общий туалет. Хорошо, что в гинекологии лежат только пациенты женского пола. На мне большие тапки – их заботливо выдала дежурная медсестра еще в первую ночь. Домашнюю обувь муж, испуганный ночными приключениями, положить забыл. В пакете, собранном им в больницу, чистое белье, мыло и рваная футболка, в которой я мою полы. Улыбаюсь, представляя его растерянность. Даже в таком состоянии он очень милый. На смену улыбке подступают слезы. Мне страшно и хочется домой.

Вокруг незнакомые женщины, которые волей случая попали в это отделение. Некоторые обращают внимание на мои всхлипывания и спрашивают, что случилось. Завязывается беседа.

Я люблю слушать чужие истории, особенно от первого лица. Запоминаю и бережно храню в памяти все рассказы, что вызывали эмоции: сочувствие или радость, мурашки эмпатии. В своей палате я насчитала двенадцать коек. Все были заняты. Даже для собирателя чужих историй это слишком.

На соседней койке лежит девушка лет двадцати пяти, моя тезка. Ей поставили капельницу, свободной рукой она пишет кому-то СМС. Потом поворачивается ко мне.

– Жень, не плачь, – уже в третий раз повторяет она. – Сейчас же у тебя ничего не болит? Может, и отпустят.

Моя собеседница за этот год попала в отделение не впервые:

– Вчера я второй раз потеряла ребенка. Или, как сказал врач, «зародыша». Мол, чего переживать, ты же даже не знала, что беременна. Они думают, мне от этого легче?

Я отрицательно качаю головой. Даже не хочу представлять, что творится у нее в душе. По словам Жени, доктора не знают, почему у нее не получается выносить. Говорит, что надо пересдать все анализы и найти нового специалиста. Я даю ей контакты своего репродуктолога – она славится тем, что может помочь даже в самых безнадежных ситуациях.

Голос моей соседки тверд и спокоен, будто она уже приняла невозможность стать матерью. Только слова говорят об обратном:

– Да, я плачу. Видимо, опять вернусь домой и буду проводить пустые вечера с носовым платком в руке. Раньше у меня были увлечения и на душе спокойно. Никаких забот, кроме ежемесячных отчетов перед строгим начальником. Но что поделывать? Мы с мужем хотим ребенка, а значит, он у нас будет.

Она замолкает – кажется, чтобы все же не расплакаться. А потом добавляет:

– Если бы было можно, я бы сейчас же вызвонила мужа и набросилась на него. Чего время-то терять?

По огромной палате проносится наш смех. Мы еще не знаем, что не пройдет и года, как Женя станет матерью. Всего-то и нужно было – найти своего врача, который поставит правильный диагноз. Два месяца лечения щитовидной железы, беременность и долгожданный ребенок – он родится 14 апреля.

К нам заглядывает медсестра и предупреждает, что после полудня всем надо оставаться на своих койках – будет профессорский обход. Как я узнаю позже, это стандартная процедура – заведующая отделением проходит по палатам, смотрит карточки больных и задает врачам каверзные вопросы. Эдакий вызов на ковер, за которым наблюдают человек пятнадцать – невольные свидетели публичной порки. Здешняя начальница, видимо, не придерживается пра-

вила «ругай наедине, хвали при всех» – она резка в суждениях и не стесняется отчитывать подчиненных при пациентах. Иногда достается и нам.

– Выпадение влагалища? – громогласно спрашивает она у женщины на кровати в углу.

– Да, – отвечает та тихо. В ее планы явно не входило делиться диагнозом со всей палатой.

– Вы что, бревна таскали? Цемент? Родили разом хоккейную команду?

В комнате воцаряется гробовая тишина. Никто из нас не ожидал такой постановки вопроса.

– Мы строим дом, – после небольшой паузы отвечает женщина.

– У вас нет рабочих? Муж заставляет таскать кирпичи? – не унимается профессор.

Нам всем становится неловко. Начинаю чувствовать себя участницей ток-шоу и боюсь, что сейчас каждому будут давать слово. Мол, что пациент номер три думает по поводу выпавшего влагалища пациента номер девять. Нечеловеческий подход к пациенту во всей красе! На минуту ловлю себя на мысли, что мне нравится этот жесткий подход, но на самом деле я просто довольна, что заведующая ставит на место моего врача, делает то, с чем я не справилась. Поступает ли она красиво? Или правильно? Вряд ли.

07.07.2016

Я лежу в палате, куда поступают по скорой и кладут перед операциями. Каждый день тут будет появляться кто-нибудь новый – так объяснила медсестра. А вот я никуда не денусь: операция не нужна, а значит, для перевода в другую палату повода нет.

Многие женщины приходят «по записи», со готовыми анализами, с историями болезни. В их глазах живет тревога, но они ложатся сюда сами, понимая, что предстоит. Для меня же все они делятся на две категории: те, кто хочет знать, что будет представлять собой лечение, и те, кто предпочитает довериться врачам.

За следующие три недели я познакомлюсь со многими из них: молодыми и пожилыми, обеспеченными и со средним достатком, с теми, кто воспитывает детей, и бесплодными. У кого-то миома, кто-то мечтает избавиться от диагноза, который ставит крест на тебе как на женщине. Есть и такие, кто приехал в Томск из другого города, чтобы сделать интимную пластику. С одной из последних происходит курьез. После операции к ней заходит врач и резюмирует – они восстановили только одну стенку влагалища.

– Как одну? Я заплатила за две!

– Женщина, если бы мы сделали так, как планировалось, у вас бы туда даже палец не пролез!

Мы давим в себе смех, пока врач и пациентка обмениваются долгими взглядами.

– Тогда верните половину денег обратно!

Мы больше не можем сдерживаться и начинаем хохотать. Врач оглядывает нас и молча покидает палату.

Мы продолжаем разговаривать – только чужие истории, рассказанные по принципу «мы больше никогда не увидимся», помогают сохранять адекватное отношение к тому, что здесь происходит, и немного отвлечься. Правда, некоторые из них оставляют в памяти яркий след.

Мне навсегда запомнится девушка, поступившая через пару дней после меня. Выглядит она молодо, но вряд ли младше меня. Низкая, полноватая, с красивым лицом: мягкие черты, выразительный взгляд, пухлые губы. Ее койка около моей, она аккуратно складывает вещи в тумбочку, стелет белье, ложится и поворачивается ко мне:

– А вы здесь почему? – начинает она без всяких «здрастье» или «привет».

– Не знаю.

Ну а что мне отвечать, если я не в состоянии объяснить, по какой причине я здесь.

– Бывает, – улыбается моя собеседница. – Меня положили на обследование. Говорят, здесь хорошие врачи. Не волнуйся.

Через пару часов я выясню, что ее зовут Лиза, она мать двойни, они с мужем и ее родителями живут в пригороде в частном доме. Ее мама помогает с детьми, пока муж пашет на двух работах. Две дочурки появились благодаря процедуре ЭКО, а бесплодие Лизе поставили в двадцать три, после двух лет тщетных попыток забеременеть.

– Я думала, такого не бывает. Я молодая, он тоже. Разве этим болеют здоровые люди? Разве бывает так, что тебе двадцать один, а ты тупо не можешь залететь?

Сейчас она рассказывает об этом с улыбкой, а тогда, говорит, плакала каждый день, приходя с учебы, пока муж был на работе. Чтобы не видел и не жалел. К семи вечера она прекращала лить слезы, умывалась и встречала мужа ужином и теплой улыбкой – давала понять, что в их жизни все нормально. Отчаянная домохозяйка, только без сериальных заставок и лихих поворотов сюжета.

К концу дня разговоры в палате стихают. Тем женщинам, что завтра идут на операцию, дают успокоительное, чтобы они крепко спали. Мы с Лизой лежим молча, копаясь в своих телефонах. На меня накатывает тоска, слезы сами катятся ручьями, их не остановить. Моя

новая подружка замечает это – смартфон предательски подсвечивает лицо. Она присаживается на край моей постели, пытаясь успокоить. Способ Лиза выбирает интересный: решает рассказать, что она пережила после протокола ЭКО.

История Лизы

После тщетных попыток забеременеть мы с мужем обратились к врачу. Оба сдали все анализы. Его пришли первыми – здоров. Значит, семью все эти долгие два года подводила я. Тогда я позволяла винить себя за это, а сейчас ругаю каждую, кто думает, что она виновата. Получив анализы, узнала: у меня непроходимость труб. Дала себе неделю, чтобы прийти в себя. Забеременеть самостоятельно шансов нет, нужно идти на крайние меры. Врач сразу предложила ЭКО, но я не решилась. Тогда я еще не отошла от непростой процедуры проверки маточных труб: казалось, ныла каждая клеточка тела, и не от физической боли, а от диагноза.

Об усыновлении речи идти не могло – я не столь сильна, чтобы проверять, смогу ли полюбить ребенка не по крови. Значит, выход один – обращаться к специалистам за помощью. В один из вечеров я застала мужа за просмотром сайтов для будущих матерей. Он читал форумы про ЭКО: как готовиться, что за этим стоит, как часто не получается. Я не хотела всего этого знать, думала, что просто приду к врачу и буду действовать по его инструкции. Лишняя информация мне ни к чему: только начну сомневаться, бояться, не доверять. Я вообще не понимаю этой любви многих девушек к женским форумам. Да, там можно найти и ответы на вопросы, и поддержку. Но сколько всего читаешься, пока ищешь то, что нужно тебе! Я впечатлительная – мне будет жаль всех тех, кто делится своим горем, неудачными попытками забеременеть, потерями, разводами.

Через пару месяцев мы решились на ЭКО и стоически пережили это время. Сережа ставил мне уколы в живот и повторял, что все обязательно получится. Мы оба взяли отпуск, чтобы избавиться себя от внешних раздражителей. Много гуляли и старались разговаривать на отвлеченные темы, чтобы не казалось, что мир теперь вращается только вокруг моей репродуктивной системы. Это сложно. Когда ты чего-то очень хочешь, все начинает напоминать об этом. Кажется, что в соседней квартире ребенок шумит сильнее, чем обычно, а на детской площадке все больше и больше людей с колясками. Ты начинаешь обращать внимание на беременных, хотя раньше даже не смотрела в их сторону.

Тест показал две полоски спустя три недели после процедуры. Сказать, что мы были счастливы, – это ничего не сказать. Я вылетела из ванной, хотела подпрыгнуть, но подумала: мне, наверное, нельзя этого делать. Сережа все понял по хлопку двери и тут же побежал мне навстречу. Мы обнимались и плакали, я ни разу не видела, чтобы муж так сильно радовался чему-либо – он сдержанный человек. Придя в себя, я позвонила в больницу, чтобы записаться на прием к гинекологу.

Радость продолжалась недолго. Вот я иду, окрыленная, к своему врачу. Захожу в кабинет. По моей улыбке она сразу все понимает и предлагает сделать УЗИ. Я вижу, как меняется ее взгляд.

– Что-то случилось? Я не беременна? – спросила я и замерла.

– Да как бы вам сказать... У нас здесь не один.

Я хочу закричать «да ну! двойня?», но меня прерывают.

– Я вижу три плодных яйца. Не понимаю, как так вышло, вам не должны были подсадить больше двух...

С седьмого неба, на котором я была, меня сбросили на землю. Я стала казаться себе маленькой, хрупкой. Как в такой может поместиться сразу три ребенка? Испугалась: вдруг им там совсем тесно? Рукой интуитивно потянулась к животу – не понимала, что на таком маленьком сроке никто никому не может мешать. Не помню, как натянула штаны. Опять поймала на себе взгляд врача, растерянный и добрый.

– Будет тяжело. Двоих-то мало кто вынашивает без постоянных «сохранений» и осложнений. Давайте не будем ходить вокруг да около. Я предлагаю вам редукцию третьего плода.

Сразу скажу, что есть шанс потерять беременность в принципе, но он мал, если обратиться к хорошему специалисту. Куда выше вероятность, что вы родите больных детей.

Вот так, без лишних объяснений, мне предложили убить своего ребенка. Врач была спокойна, ее голос даже словно убаюкивал. Казалось, что все это драматический фильм, а я просто зритель. Правда, на премьеру больше никто не пришел.

Домой я ехала в слезах, не боясь, что заплаканный водитель может стать причиной аварии. Мне было все равно, у меня вновь отняли надежду на счастливое материнство. ЭКО, которое, казалось бы, прошло так успешно, не принесло мне счастья. Мне снова придется выбирать. Но как можно распоряжаться судьбой того, кого так долго ждала?

Я редела три дня. Теперь уже и сама полезла в интернет, чтобы почитать форумы, и это вызвало только больше слез. Обнимала мужа и подушку, а потом опять редела. Мне было страшно, мужу тоже – такая ответственность еще ни разу не ложилась на наши плечи. Сережа был молчалив. Иногда он порывался привести какие-то аргументы, но толком не понимал, какую сторону нужно принять.

Вскоре я узнала, что тема редукции тщательно скрывается даже на форумах. Оказывается, не принято говорить о том, что ты разрешила врачу проникнуть через твой живот к сердцу ребенка, чтобы навсегда его остановить. Видимо, женщины предпочитают молчать о том, какой выбор пришлось им сделать. Их можно понять. Кто-то заботливый из мира медицины придумал этому процессу другое название, отделив его от слова «аборт». Но разве есть большая разница, если итог один – смерть?

Это по телевизору мы видим сюжеты из роддома о семьях, в которых появилось сразу трое малышей. Такие истории наполнены радостью, в них много улыбок и теплых слов. А скольким предлагали убить одного из своих детей? Я проконсультировалась с тремя гинекологами нашего города, не пожалев времени и денег на приемы. Только одна предложила незамедлительно лечь в больницу на сохранение, чтобы постоянно быть под надзором врача. Двое сразу сказали, что стоит рассмотреть вариант редукции.

Да, здоровые тройни рождаются. Но ни один новостной сюжет в вечернем прайм-тайме не расскажет вам о том, скольким малышам ставят диагноз ДЦП или порок сердца, сколько беременностей прерывается на позднем сроке, когда организм матери просто не выдерживает нагрузки.

В итоге я согласилась на редукцию. Подумала, что вправе решать судьбу собственных детей. Гинеколог предложила выговориться у нее или психолога, сходить в церковь или найти любой другой способ хоть немного успокоиться перед этим шагом. Я ограничилась разговором с собой: это мое решение, и только мне нести за него ответственность.

В назначенный день наша машина остановилась около ворот клиники, где моему малышу суждено было получить приготовленный удар. Я прошла первый скрининг. Напротив кушетки висел телевизор, на экране которого нам с мужем по очереди показывали наших детей. Всех троих. Мое сердце замирало, я тяжело дышала, боялась, что сейчас доктор спросит, кого мы оставим.

– Расположение второго плода самое неудачное. Он лежит внизу, поперек, давит на шейку.

Больше ни слова, никаких предложений не поступило. В этом небольшом темном кабинете мне не пришлось ничего решать – врач взял на себя ответственность за судьбу моего ребенка. Плода. Малыша. Моего. У которого не будет имени, чей пол я никогда и не узнаю.

Беременность прошла спокойно. Мы не рассказали родным, что нам пришлось пережить. Наши дети тоже никогда не узнают, что могли иметь брата или сестру. Я практически перестала себя винить и стараюсь не задавать вопрос «что бы было, если бы...». Говорят, что нет правильного выбора. Есть только решение, которое принял, и его последствия. Этим и утешаюсь.

12.07.2016

Стараюсь найти хоть что-то позитивное в ситуации, в которой оказалась. Меня практически не трогают – лечащий врач приходит раз в день. С утра я сдаю кровь, вечером мне делают укол в живот, чтобы улучшить свертываемость крови. На фоне стимуляции овуляции этот показатель стал запредельным. С докторшей мы так и не нашли общий язык, и это только усугубляет мою тревогу. Если я плачу, она называет меня маленькой девочкой, которая не знает, что такое «путь материнства». Это обижает, оскорбляет, выставляет душой. Я не такая. Я все спланировала. Я изучила вопрос. Я была готова. Просто зря вызвала скорую в ту ночь.

Параллельно с курсом унижения я получаю СМС от своего репродуктолога – короткие, суховатые, но полные оптимизма. Она пишет, что мое нынешнее состояние – это просто реакция организма, никто не застрахован.

Между тем мой лечащий-калечащий врач предлагает отказаться от препарата, который я должна пить до теста на беременность.

– Ну какая вам беременность? Сами понимаете, было бы хорошо, если бы она началась не так.

Как «не так»? Конечно, хочется быть окруженной любящими людьми, а не общаться с той, кто напрочь забыла об этической стороне вопроса выздоровления. Но когда ей со мной сюсюкаться? Она же врач, а не психолог, не подруга, не муж. Она должна лечить и вроде бы справляется с этой задачей. А если пожаловаться на плохое отношение, то можно услышать массу оправданий такому поведению. Самая популярная версия – с их зарплатой скажите спасибо, что вообще с вами разговаривают.

Обычный день в больнице: ужасный завтрак, забор крови, ужасный обед. От июльской духоты ничего не спасает. Злось, что теплые летние дни, которых так мало в Сибири, я провожу на больничной койке. Засыпаю, чтобы хоть как-то убить время.

– Евгения, просыпайтесь.

Врач легонько касается моего плеча. Открываю глаза. Она сидит на моей койке, в руках результаты утреннего анализа крови.

– У вас повышенный ХГЧ.

Мне не надо это расшифровывать. Хорионический гонадотропин человека, он же ХГЧ, повышается в первые недели после зачатия. Я все понимаю. Но кажется, еще сплю.

– Вы беременны.

Она говорит это равнодушно, будто зачитывает приговор в суде.

– Возвращайте препарат, который мы отменили.

Да, это же единственное, что мне нужно сейчас услышать.

– Но сперва пройдем в туалет, я принесу вам тест на беременность.

Вот к этому меня точно жизнь не готовила. Не могу назвать себя романтической особой, но я представляла, что, когда буду выходить с тестом в руке и с улыбкой на лице, меня будет ждать муж, а не врач, который еще пару дней назад назначил процедуру, ставящую под угрозу мое материнство.

Мы идем по длинному коридору. Я не понимаю, что происходит. Все должно быть не так. Почему я ничего не чувствую? Где радость, восторг, трепет? Мне не нужен ответ, и так прекрасно знаю, что абсолютно не умею проживать радостные эмоции: не прыгаю до потолка, не начинаю танцевать, не улыбаюсь во весь рот, когда происходит что-то хорошее. В детстве мама часто говорила мне: «Много будешь смеяться, долго будешь плакать». Она имела в виду, что детские шалости обычно заканчиваются разбитыми вещами, ссорой с друзьями или усталыми материнскими просьбами не кричать так сильно. Я уже давно не маленькая девочка, а ее

слова звучат у меня в голове. Это стало моей установкой – не проявлять восторга. У нас это семейное: мы умеем страдать, но никогда – радоваться.

Выхожу из кабинки туалета. Какая-то женщина освобождает соседнюю. Техничка моет пол. Врач стоит и молча ждет меня. Картина маслом.

– Две полоски.

– Ну что я могу сказать? Поздравляю! – на лице докторши появляется улыбка, похоже даже искренняя.

15.07.2016

Я сижу на лавочке около больницы, спасаясь от жары в тени деревьев. Рядом о чем-то радостно щебечет мама. Она придумывает мне счастливое будущее с оговоркой на то, что сейчас главное – это восстановиться и покинуть эти унылые стены. Она не знает, что, стоя в уборной женской консультации и глядя на две полоски в тесте, я пригласила в гости госпожу тревогу. Мою лучшую подружку на следующие несколько месяцев. Она стала моим злейшим врагом.

– Я боюсь все потерять.

Эти слова я произношу так тихо, будто сама не верю в то, что говорю. Не хочу верить.

– Ты о чем?

– О беременности.

– Ну ты чего? Просто это гормоны шалят. Все беременные волнуются, это нормально.

Гони такие мысли прочь.

Мамин голос ласковый, но твердый, она боится, что я начну тонуть в своей тревоге.

Нет, мама, я не все. Я чувствую плохой исход. Мне кажется, я не заслужила этого счастья, а значит, его отнимут.

– Да, наверное. Я стараюсь думать о хорошем.

– Вот и правильно! Главное – береги себя, и все будет хорошо.

Я возвращаюсь в палату и всеми силами стараюсь не расплакаться: теперь я не имею права тратить нервы из-за ерунды. Подумаешь – предчувствие! Да я вообще никогда не отличалась хорошей интуицией, почему же сейчас переживаю из-за непонятных страхов?

По скорой новое «поступление»: привезли пожилую женщину и девушку. Девчонка рыдает и держится за живот. Около нее сидит доктор и повторяет: если беременность замершая, то оплакивать уже нечего. Вот так просто: нет ребенка – не из-за чего переживать. Хочется спросить, а как бы ты сообщил такое своей жене, дочери, сестре? Так же равнодушно? Прочитал бы заключение УЗИ и спокойным тоном резюмировал, что все надежды рухнули, в следующий раз обязательно родишь? Когда человек в белом халате уходит, девушка обращается к нам: а ведь может быть такое, что это не точно? Мы лишь пожимаем плечами – никто не хочет брать на себя ответственность и говорить что-то ободряющее.

Она поднимает футболку и показывает живот: он весь в неровных шрамах.

– Результат аварии: разорванная селезенка, поврежденные органы, теперь еще и спайки. Как теперь что-то планировать? В детстве тебе никто не расскажет, что такие травмы практически несовместимы с материнством.

Еще бы неделю назад меня бы поразила откровенность этой девушки. Кто с порога вываливает свои проблемы и страхи? Но в женском отделении никто особо не церемонится. Здесь за полчаса можно стать закадычными подругами, выложить всю подноготную не только о себе, но и о всей своей семье. С Лерой мы будем лежать вместе до момента моей выписки. На УЗИ опровергнут версию о ее замершей беременности. Я познакомлюсь с ее мужем, выслушаю сотню историй о том, какая ее свекровь стерва, стану вынужденным свидетелем ее долгих разговоров с мамой. После больницы мы больше никогда не встретимся. Поначалу будем звонить друг другу раз в неделю, но потом связь прервется. Лишь после собственной трагедии я узнаю – пойму по фотографиям из соцсетей, – что и она весной 2017-го не станет матерью. А в 2019-м она выложит первую после затяжного молчания фотографию – у них с мужем родится мальчик.

18.07.2016

День рождения мамы провожу в больнице. Идет третья неделя моего заточения, и я перестаю понимать, зачем здесь торчу. Анализы приходят в норму, уколы в живот отменяют. Остается только ежедневная сдача крови – да сколько можно-то?

Утром 18 июля медсестра сообщает, что меня ждут на УЗИ. Я спускаюсь на первый этаж, ощущая трепет от скорой встречи с моим ребенком. Понимаю, что вряд ли что-то увижу, но это не столь важно. Мне надо рассмотреть хотя бы эту небольшую точку, чтобы поверить, что все это и правда происходит со мной.

Врач ультразвуковой диагностики интересуется моим самочувствием. В ответ я, не скрывая радости, заявляю: я беременна! Доктор едва заметно улыбается и просит прилечь. Минута, две, три. Она молча изучает изображение на экране.

– Вот, видите? Это плодное яйцо, через месяц-другой вы сможете разглядеть своего ребенка.

Она останавливается, наклоняется ближе к экрану, а у меня начинают холодеть руки.

– Что там?

– Похоже, еще одно плодное яйцо. Оно намного меньше. Наверное, зачатие произошло на пару дней позднее. Ну, вы не переживайте! Это, может, и рассосется.

Вы серьезно? Речь о ребенке, а не об опухоли! Это раковых больных стоит обнадеживать подобными речами, но никак не беременную. Мне хочется огрызнуться: сама ты рассосешься! А мой ребенок останется со мной.

Я уже наверняка знаю, у меня двойня. Знаю, что, когда приду к своему врачу, она обязательно это подтвердит. Вечером навещает мама, в собственный день рождения приносит мне пирожное и еще не остывший ужин.

– Похоже, ты будешь бабушкой сразу двоих внуков, – говорю я вместо поздравления.

– А я знала! Я знала! Ехала к тебе, встретила Иру с ее двойней, а еще у меня около цветка появились ростки совершенного другого растения. И их тоже два!

– Ох уж эти знаки! – смеюсь я и чувствую себя абсолютно счастливой.

01.08.2016

Я наконец выхожу на улицу, чтобы уже не возвращаться в унылую палату. Июльская жара спала, но впереди еще целый месяц лета. Сажусь в такси и быстро доезжаю до дома. Муж не знал, что меня выпишут сегодня. Да и выписка скорее напоминала побег: я сказала, что не хочу больше лежать, заплакала и отказалась это обсуждать. Через пятнадцать минут мне принесли лист бумаги и велели написать, что я сама несу ответственность за отказ от пребывания в больнице. Да пожалуйста!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.